

М Е А Т Р

АЛИСА ИЗ СТРАНЫ ЧУДЕС

Имя заслуженной артистки РСФСР Алисы Бруновны Фрейндлих тесно связано с Ленинградским театром имени Ленсовета, давно уже ставшим ей родным домом. Творческий коллектив, возглавляемый заслуженным деятелем искусств РСФСР И. П. Владимировым, с особой внимательностью исследует сложное многообразие духовной жизни, внутренний драматизм характеров, эмоциональную константу конфликта.

И творчество Алисы Фрейндлих по своей природе очень близко этому главному направлению театра. Особая яркость тончайших душевных переживаний, напряженная эмоциональная жизнь характеризуют весь облик актрисы.

...Очень подвижное, выразительное лицо. На нем отражается все, что происходит на сцене, отражается то, как она понимает, оценивает, переживает происходящее. Она — это героиня, потому что в разных спектаклях лицо живет по-своему. Но она — это и актриса, потому что на сцене не просто живой человек, а конденсированный человек. Говорящая походка: то плавная и неторопливая, то стремительная и непреклонная. Эмоциональная походка. И богатейший голос, способный сам по себе выразить все оттенки душевной драмы ее героини. А драмы — всегда. У Фрейндлих нет ни одной одноплановой, однокрасочной роли. В любой из них есть какое-то внутреннее противоречие, самоборение, самопреодоление.

Две арбузовские роли: Таня из одноименной пьесы и Лика из пьесы «Мой бедный Марат». Разные, непохожие и в то же время очень близкие друг другу. Их сближает характерный для Арбузова (и Фрейндлих) конфликт: драма преодоления себя.

Таня по складу своего характера, по воспитанию натура щедрая и общительная. Но она подчиняет себя неверному умозрительному пониманию любви и долга: «Будто в целом мире никого нет. Только ты и я». И она ценой жесточайших потерь расщепляется за насилие над собственной личностью.

Алиса Фрейндлих не играет Таню, потому что она сама — Таня. Обаяние ее личности подчиняет себе, вызывает встречную волну симпатии и расположения.

Но неужели все так просто? Ни о чем не думай, изображай самого себя, делай так, как ты сам бы поступил в подобных обстоятельствах, — и все будет в порядке? Если б так! Мы можем изобразить другого человека, воспроизвести какие-то типичные жесты и интонации, раскрывающие его характер, но мы не можем изобразить себя. Со стороны виднее. Для того, чтобы в кратчайшее время с зрителем раскрыть себя, нужно выбрать, выделить, найти самое важное, самое характерное в себе и

— сыграть это. Даже собственное обаяние нужно сыграть. Будь это легко — не было бы художественного открытия, не было бы того потрясения, которое мы испытываем при встрече с высоким искусством. Таня Алисы Фрейндлих — замечательный образец такого искусства.

Она может вырастать, занимая собой всю сцену. Она может становиться удивительно маленькой.

Вот Герман начинает произносить тост за человека, которому он больше всех обязан. Таня рядом с ним, это ее минута, она скромничает, потупившись, и в смущении не то теребит свои волосы, не то гладит себя по головке. Она счастлива, но старается не подавать вида. И вдруг — неожиданный конец тоста. Оказывается, Герман говорит о Шамановой. Фрейндлих — Таня не делает ничего особенного. Просто отодвигается на шаг, тихо и незаметно, движения руки становятся медленнее, но главное — она гаснет. Как — непонятно. Но она гаснет, становится серенькой, незаметной. Впрочем, это такая «незаметность», которая делает ее центром действия.

...Между первым и последним появлением Лики на сцене проходит почти восемнадцать лет. Давление времени очень ощутимо отражается на героине Алисы Фрейндлих. В первой части это девочка, которая всего боится. Бойся тишины и бомбежек, одиночества и чужих людей, бойся своей пробуждающейся любви. И в то же время в ней таится готовность к самопожертвованию, проявляющаяся до поры в отзывчивости к чужой боли. Во второй части Лика повзрослела и стала уверенней, но страхи ее не ушли, а затаились, стали чертой характера, трансформировавшись в слабость и нерешительность. И когда она оказывается перед выбором, то подчиняет себя велению долга, необходимости жертвовать собой. Но одно дело жертва сильного человека: временное отступление, тяжелая, однако поправимая потеря. Другое дело — не поправимая жертвенность слабого, она губит и того, кто жертвует, и того, ради кого приносится жертва. И в третьей части мы видим усталую, быстро стареющую женщину, которая играет роль сильного человека.

Алиса Фрейндлих очень «арбузовская» актриса. Она достоверна даже там, где символика притчи: от трех лика вступает в противоречие с бытовым правдоподобием. Ей веришь, ей сопереживаешь. В этой пронизывающей, покоряющей достоверности скрывается та грань, за которой мысли и чувства драматурга, режиссера, актрисы перестают быть только фактом искусства и становятся реальной жизнью, частичкой каждой отдельной зрительской судьбы

Чем достигается такая достоверность? Откуда берется эта безошибочная точность чувств? Четырежды играет Алиса Фрейндлих отчаяние. Два раза — в «Тане».

Умирает сын — для Тани это крушение всей предшествующей жизни, утрата последней надежды. Ей больше нечего делать, некуда сбежать от горя, не для кого сдерживаться. И она каменеет на подоконнике. Идет невероятная длинная пауза, на сцене ничего не происходит, но зал напряженно всматривается, в самом прямом смысле слова затаив дыхание.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Укрощение строптивой». Катарина — А. ФРЕЙНДЛИХ. Петруччо — Д. БАРКОВ.

Затем — умирает больная. Только здесь уже иная Таня, уже вернувшаяся к своей естественной сущности. Да, она ни на что не способна, да, положение безнадежное, но где-то внутри гнездится сомнение, так ли уж она никчемна, где-то есть ощущение близкой поддержки — и отчаяние выливается слезами навстречу, оно открыто, оно призывает, требует утешения.

В «Варшавской мелодии» тревожные предчувствия Геля оправдываются самым неожиданным образом. Но столь сильные еще надежды, столь скоростной удар, что трудно, невозможно поверить, будто нет никакой соломинки. И все это: осознание неоправданности, несмирившийся разум, боль смертельно раненной любви — вырывается в отчаянном взрыве: «Ты же умный, придумай что-нибудь!».

И — «Мой бедный Марат». Жестоко расплачивается Лика за свою ошибку. Все это время ее поддерживает мысль о Марате, какая-то тайная надежда, в которой она сама себе ни за что не признается. И вот

является Марат как прокурор, он растравливает ее раны, он обвиняет ее в разрушении не только собственной личности, но и его, и Леонидика. Ей невыносимо слушать его, она его протоняет, но тут же с ужасом понимает, что тем самым губит последнее, что ее поддерживало. И на крик Леонидика: «Верни его!» — она рывком бросается вдогонку, вслед за Маратом (не двинувшись с места!) — и это неосуществленное движение реализуется безнадежным, горьким, пронзительным: «Не могу».

Четырежды играет Алиса Фрейндлих отчаяние. Но каждый раз это различные судьбы, различные трагедии и потому — совершенно различные художественные решения.

Конечно, ситуация здесь очень важна. Но играет не ситуация, а актриса. Одними эмоциями ничего не сделаешь: чтобы вы-

зывать эмоции у зрителей, надо поверять их алгеброй. Фрейндлих мыслит широко и интересно. Она не ошупью находит какие-то выразительные жесты, интонации, а продумывает все, все мельчайшие детали образа. Продуманность, помноженная на великолепную актерскую технику, дает прекрасные результаты. Но все ли это объясняет? Ведь это Сальери: и алгебра, и послушная безлостность пальцев. А где же — Моцарт?

Она может улыбаться всем лицом, только глазами, только губами, одним уголком губ. Техника? Но почему для зрителя невозможно не заметить еле уловимую иронию в чуть дрогнувших губах? Техникой здесь ничего не объяснишь.

И, видимо, секрет обаяния актрисы нужно искать в самой ее личности, в богатстве ее человеческой сущности. Есть актеры — лицедеи. Для каждой роли у них различные жесты и мимика, интонации и манера речи. Внешняя характеристика строит образ, остальное легко восполняется воображением зрителя. Но есть актеры иного плана. Они играют не роль, а сущность изображаемой личности, они строят характер изнутри, добывая материал в самих себе. Их роли внешне порой схожи, но за внешним подобием скрываются глубокие и тонкие различия.

Здесь нет противопоставления по типу: что лучше. Искусству нужно и то, и другое.

Алиса Фрейндлих принадлежит к числу тех актеров, которые, создавая роль, постоянно обращаются к глубинам собственной личности.

Пусть не иссякнет источник, из которого так много почерпнуто!

А. АЛЕХИН.